

Г. А. ПЕЛИСОВ

О ФОЛЬКЛОРНЫХ ОСНОВАХ «СКАЗОК» А. С. ПУШКИНА

I

А. С. Пушкин был первым великим реалистом в мировой литературе XIX века. Революционный демократ Добролюбов писал, что Пушкин произвел открытие действительности.

Где же источник и что породило удивительную силу и глубину пушкинского реализма? В чем заключается основа, на которой Пушкин совершил великое преобразование русской литературы и русского литературного языка?

Пушкин истинное дитя 1812 года. Об этих замечательных годах В. Г. Белинский писал: «Время от 1812 г. до 1815 года было великою эпохою для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании, бывшие результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12 год, потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... Кроме того, 12 год нанес сильный удар коснеющей старине... глушь и дичь быстро исчезали вместе с потрясенными остатками старины... В двадцатых годах текущего столетия русская литература... устремилась к самостоятельности: явился Пушкин».

Эти же черты эпохи подчеркивал и декабрист Бестужев: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский впервые ощутил свою силу: тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной».

События 1812 года, показавшие, какой неисчерпаемой силой обладает русский народ, пробудившие в передовых кругах общества движение за освобождение народа, естественно вызвали живейший интерес к устному поэтическому народному творчеству. Этот интерес захватил и Пушкина. Он был не только восторженным любителем, но и страстным и неутомимым собирателем произведений устной поэзии. Известно, что Пушкин подготавливал материал для издания первого систематизированного научного сборника русских песен. Собиратель народных песен П. Кяреевский, современник поэта, оставил в тетради свадебных песен такую заметку:

«Покойный А. С. Пушкин оставил мне 50 номеров песен, которые он с большой точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, где именно, вероятно, что он записал их у себя в деревне в Псковской губернии».

Как истинный патриот Пушкин высоко ценил поэзию своего народа, подчеркивал превосходство ее по красоте и силе над европейской поэзией.

«Приступая к изучению нашей словесности,— писал он в «Мыслях на дороге»,— мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с бездной поэм, романов, героических, и любовных, и простодушных, и сатирических, коими наводнены Европейские литературы средних веков. В сих первоначальных играх творческого духа нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа... Мы бы увидели разницу между простодушною сатирою французского трувера и лукавой насмешливостью скомороха, между площадной полудуховной мистерией и затеями нашей старой комедии».

Сравнивая русскую и французские литературы, Пушкин противопоставлял именно народную поэзию: «Но есть и у нас свой язык: смелее! — песни, обычаи, история, сказки».

Однако для Пушкина в отличие от официальной «народности» придворных поэтов фольклор не был просто модой.

Для него, певца и вдохновителя дворянских революционеров, народная поэзия раскрывала величие русского национального характера, мощь и гений русского народа, была замечательным образцом правдивого реалистического искусства.

В заметках по вопросу о народности Пушкин писал:

«С некоторого времени у нас вошло в обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствие народности; но никто не думал определить, что разумеет он под этим словом народность. Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории. Другие видят народность в словах, оборотах, выражениях, т. е. радуются тому, что изъясняются по-русски, употребляют русские выражения. Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками... Есть образ мыслей и чувствований; есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается и в поэзии».

Пушкин рассматривает фольклор как основу, на которой выросли все великие создания мировой литературы. Пушкин говорил, что «поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество великими созданиями. Сии гении шли по дороге, уже проложенной».

Вот почему и сам поэт обращается прежде всего к народной поэзии, которая сыграла огромную роль в развитии его мировоззрения и творчества, которая, следовательно, явилась одной из ведущих основ пушкинского реализма.

Вопрос о месте и той роли, которую сыграл фольклор в развитии творчества Пушкина, к сожалению, изучен очень недостаточно. Он затрагивается в работах, посвященных А. С. Пушкину, либо мимоходом, «в связи», либо в общем плане. Между тем есть настоятельная необходимость в специальном и обширном исследовании этого вопроса.

Настоящая работа делает попытку положить пробный камень в этом направлении. Она будет посвящена генезису и характеру «Сказок» А. С. Пушкина. Эти произведения выбраны потому, что они наиболее показательны для работы Пушкина над овладением богатством устного поэтического творчества народа. В статье о Крылове Пушкин писал:

«Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Вот эти черты русского национального характера и нашли свое наиболее яркое выражение в сказках. Русские народные сказки очаровали Пушкина своей художественной прелестью, своим сочным, образным языком, богатой фантастичностью, а главное полнокровным реалисти-

ческим духом. В них Пушкин видел как бы синтез всех элементов фольклора.

«Что за прелесть эти Сказки! Каждая есть поэма»,— писал он в письме к брату. О Сказках особенно следует говорить и потому, что имеющиеся исследования «Сказок» содержат вопиющие искажения существа этих Пушкинских произведений и характера их происхождения.

Они следуют буржуазной космополитической «веселовщине» в литературоведении, которая отрицала национально-самобытную основу пушкинского творчества и представляла великого русского поэта в роли способного ученика и последователя европейской литературы. Б. Томашевский, например, утверждает в статье «Пушкин и народность», что к фольклору поэт обратился тогда, когда прочитал книгу госпожи де-Сталь «О Германии», где он и нашел «тезис о народности в литературе»¹.

Из этого же исходит и М. К. Азадовский, правда, с некоторыми вариациями. В статье «Пушкин и фольклор» он пишет: «Взгляды Пушкина на фольклор во многом совпадают с воззрениями той школы, наиболее ярким представителем которой был Фориэль. Пушкину Фориэль был известен, главным образом, в интерпретации Гнедича, впрочем, не исключена возможность и непосредственного знакомства Пушкина с книгой Фориэля»...²

Здесь не де-Сталь, а другой француз выступает в роли наставника Пушкина по фольклору, но сущность одна и та же: стремление доказать, что не героическая борьба русского народа против нашествия Наполеона, раскрывшая перед передовой дворянской молодежью величие русского национального характера, живые родники русской речи, прелесть родных сказаний и песен, т. е. не сама жизнь натолкнула Пушкина на народную поэзию, а книжные иностранные влияния.

— В работах, посвященных «Сказкам», М. К. Азадовский, претворяя изложенный выше общий взгляд на фольклоризм Пушкина, настойчиво пытается доказать, что Пушкин при создании своих «Сказок» воспользовался книжными иностранными источниками, а не живой русской народной поэзией. В статье «Источники сказок Пушкина» он так и пишет:

«Таким образом, из шести сказок, записанных Пушкиным, только одна («Сказка о попе и работнике его Балде») идет непосредственно из устного творчества, все остальные идут из книг, от книжных и западно-европейских источников»...³

«Сказка о рыбаке и рыбке», по Азадовскому, вообще «выпадает из русской традиции, но всецело примыкает... к традициям западно-европейским»⁴ и заимствована Пушкиным из сборника братьев Гримм. К этому же источнику возводит Азадовский и «Сказку о мертвой царевне». В оценке «Сказки о золотом петушке» он полностью солидаризируется с А. Ахматовой, которая «открыла», что сказку эту Пушкин позаимствовал у Вашингтона Ирвинга. Что же касается «Сказки о царе Салтане», то Азадовский доходит до утверждения, что Пушкин при создании этого произведения лишь частично пользовался фольклорным материалом, на ней лежит печать влияния западноевропейской авантюрной повести.

Подобная «точка зрения» не встретила не только возражение, но и нашла признание ряда пушкиноведов и фольклористов. М. К. Азадовский был объявлен непререкаемым авторитетом по вопросам происхож-

¹ Сборник «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1941.

² «Временник», т. III, Изд. Академии Наук СССР, 1937.

³ «Временник», т. I, Изд. Академии Наук СССР, 1937.

⁴ Там же.

дения пушкинских сказок. Так, проф. Плотников в своей книге «Пушкин и народное творчество»⁵ по вопросу об источниках сказок Пушкина опирается исключительно на «исследования» Азадовского. Например, говоря об источниках «Сказки о царе Салтане», он пишет: «мы имеем очень ценную работу проф. Азадовского..., окончательные выводы проф. Азадовского, достаточно подкрепленные фактическими данными... «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» — лучшая разработка вопроса об источниках этой сказки принадлежит проф. Азадовскому. На основании сличения пушкинской сказки с параллельными сюжетами русских народных сказок, а также с текстом немецкой народной сказки «Белоснежка», проф. Азадовский подходит к заключению, что основным источником пушкинской сказки является только что названная гриммовская сказка...» Вот только по вопросу об источниках «Сказка о рыбаке и рыбке» проф. И. Плотников решается вступить в полемику с Азадовским и делает попытку доказать, что Пушкин использовал не немецкую, а ...шведскую сказку.

На авторитет Азадовского в вопросе об источниках «Сказки о рыбаке и рыбке» ссылается и А. Желанский: «М. К. Азадовский нашел гриммовскую сказку во французском переводе»...⁶

Но книга А. Желанского страдает и другими порочными заключениями. Ей свойственен примитивно-вульгарный социологизм. Исследуя рукописи Пушкина, Желанский делает выводы, что Пушкин шел к смягчению характера расправы Балды над Попом и объясняет это дворянской идеологией Пушкина. Принадлежность к 600-летнему дворянству заставила будто бы Пушкина в сказке о Медведихе при характеристике волка-дворянина вместо «лапы-загребистые», как было в первой редакции, написать «завистливые глаза». Желанский так и пишет, что «дворянин Пушкин смягчает признак хищнических наклонностей дворянина»⁷.

Следует заметить, что Желанский вообще обнаруживает непонимание русского фольклора.

Анализируя типы сказочных работников — предков Балды, он делит их на следующие категории: смиренные, борцы-педагоги (!), борцы непримиримые. Работники — борцы-педагоги, оказывается, занимаются перевоспитанием в духе добродетели скаредных попов и купцов.

Дикую несурязицу несет Е. Аничков в работе, специально посвященной исследованию происхождения «Сказки о царе Салтане». Оказывается, самым древним источником пушкинской сказки является миф о Персее, начало же взято Пушкиным из «Тысячи и одной ночи» во французском переводе Галлана. Далее Пушкин использует кавказский, татарский фольклор. Наконец, Пушкину попала книга английского поэта Чосера, где он неожиданно открыл свою сказку. И уже тогда он докончил «Сказку о царе Салтане» по образу и подобию английскому. Поистине смешались кони, люди! Назвать Пушкина эпигонствующим эклектиком — гнуснее придумать, кажется, невозможно!

Есть несколько исследований, которые на значительном и убедительном материале раскрывают работу Пушкина над освоением русской народной поэзии. Таковы статьи проф. Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, М. А. Шнеерсона⁸.

Но вот что удивительно: эти авторы в заключении делают выводы, прямо противоположные всему, что ими до этого доказывалось, выводы

⁵ И. Плотников, Пушкин и народное творчество, Воронеж, 1937.

⁶ А. Желанский, «Сказки в народном стиле», Гослитиздат, 1936.

⁷ Там же.

⁸ Н. П. Андреев, Пушкин и народное творчество. «Ученые записки Ленинградского пед. института им. Герцена», XIV, 1938; Ю. М. Соколов, Пушкин и народное творчество, «Литературный критик», 1937, № 1; М. А. Шнеерсон, Фольклорный стиль в сказках Пушкина, «Ученые записки Ленинградского университета»,

об иностранных заимствованиях. «Черпая сюжеты для своих сказок из сборника братьев Grimm, из «Тысячи и одной ночи», из русской сказочной традиции, Пушкин отбирает те сюжеты, которые имеют варианты в международном фольклоре — с одной стороны, у которых есть параллели среди русских сказок — с другой» (М. А. Шнейерсон). «Создавая свои сказки, глубоко народные и в значительной мере опирающиеся на материал народной словесности, Пушкин вместе с тем обогащает эти сказки материалом народного творчества немецкого» (Н. П. Андреев). «Брал ли Пушкин сюжеты из русских сказок или из западной поэзии, созданные им сказки могут считаться подлинными народными русскими сказками. Беря порою сюжет из народного творчества других стран, Пушкин создавал на его основе совершенно новые произведения» (Ю. Соколов).

Порочная идея заимствования, оказавшаяся, таким образом, весьма устойчивой, перекочевала в учебники и, к сожалению, продолжает прирывать учащейся молодежи искаженный взгляд на характер пушкинского творчества.

В учебнике для вузов «Русская литература XIX века» А. Г. Цейтлин пишет: «В своих сказках Пушкин использовал ряд европейских источников».

В учебнике по русской литературе для педагогических училищ А. А. Зерчанинова и Н. Л. Парфиридова под редакцией Н. Л. Бродского, изданном в 1948 г. мы читаем: «Сказка о рыбаке и рыбке» — сатирическая сказка. Тема ее — обличение жадности и глупости, центральный образ — сварливая старуха. Подобный сюжет имеется в сборнике бр. Grimm, но Пушкин обработал его в чисто русском народном духе».

Выводы и аргументация М. К. Азадовского и его последователей ложны в своей основе, абсолютно бездоказательны и легко опровержимы.

Где доказательства того, что Пушкин использовал именно гриммовский сборник и Вашингтона Ирвинга?

Известно, что Пушкин не знал немецкого языка. Правда, Азадовского это обстоятельство не смущает. Знакомство поэта с сказками Гримма, утверждает Азадовский, «могло быть осуществлено через Жуковского, во-первых, и по французскому переводу немецких сказок, который имелся в библиотеке Пушкина, во-вторых».

Однако «могло быть» вряд ли можно принять за серьезное научное доказательство. Не выдерживает критики и второй аргумент. Как указывает сам Азадовский, французский сборник вышел в свет в 1830 г. Между тем Пушкин еще в 1822 году делает первые наброски «Сказки о царе Салтане».

Таким образом, знание Пушкиным гриммовского сборника предположительно и ни чем не доказывается, тогда как для доказательства использования Пушкиным именно русских сказок имеются и записи сказок и убедительные свидетельства самого поэта, что эти сказки он слышал от Арины Родионовны, а не конспектировал книжные источники. Кроме того, соответствие сюжетов «Сказок» Пушкина сказкам русского народа, зафиксированным в многочисленных сборниках.

Русская традиция «Сказки о царе Салтане» доказывается не только тем, что сюжет ее имеется в михайловских и кишиневских записях Пушкина, но и тем, что этот сюжет принадлежит к самым распространенным и популярным русским сказкам. Ю. М. Соколов ставит ее по степени популярности на пятое место после сказок «О трех царствах», «Чудесном богатстве», «Ивашке и ведьме», «Волшебном зеркальце». В сборнике А. Н. Афанасьева сюжет представлен, как сказка «По колену ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (№ 283—287). К этому же сюжету примыкает и сказка афанасьевского сборника «Ко-

соручка» (№ 279—282). Мотив оклеветанной жены вообще довольно распространен в русских сказках. В качестве примера можно указать сказку «Арысь-поле» из сборника Афанасьева.

Столь же богато представлен среди русских сказок и сюжет «Мертвой царевны». По указателю Андреева он зарегистрирован в количестве 30 номеров. Неверно утверждение Азадовского, что мотив зависти отсутствует в русских сказках. В сказке «Волшебное зеркальце» (Афанасьев, № 211—121) говорится:

«В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любитесь своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!» А зеркальце в ответ: «Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живет у двух богатырей в дремучем лесу — та еще прекраснее!» Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушку: «На, говорит — тебе колечко, ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живет моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: «братец на память прислал!»

Сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» был записан Далем, который и сообщил ее Пушкину, а впоследствии передал Афанасьеву.

— Это признает и Азадовский, который в комментариях к сказкам в академическом собрании сочинений А. С. Пушкина писал: «Исключением является сказка, приведенная Афанасьевым (№ 39), имеющая то же заглавие и взятая очевидно, из сборника Даля». Правда, через несколько строк Азадовский говорит: «Сказка афанасьевского сборника является не чем иным, как прозаическим пересказом пушкинской сказки, вошедшей через книгу в крестьянскую среду и там записанной».

Такое предположение более чем сомнительно. В народном творчестве есть произведения очень близкие пушкинской сказке и нет никаких оснований предполагать, что вариант Даля не фольклорного происхождения.

В сборнике Афанасьева есть и другой вариант этой сказки под названием «Жадная старуха» (№ 40), где роль рыбки исполняет чудесное дерево. Однако персонаж рыбки, выступающей в роли чудесной помощницы, очень характерен для русских волшебных сказок. Она стоит в ряду героев животных, помогающих основному герою: сивки-бурки, золотогривого и золотокопытого коня, щуки («По щучьему веленью»), «свинки — золотой щетинки», рыбы из ручейка, осы из осинового гнезда, серого волка, орла, ворона и т. д. Так, например, в сказке «Золотой башмачек» (Афанасьев, № 292—162) рыбка последовательно помогает и исполняет желания младшей дочери старухи.

Нет никакого сомнения, что Пушкину, блестящему знатоку народного творчества, были известны не только сюжеты, имеющие прямое отношение к его сказкам, но и их вариации и многие другие мотивы, которые он использовал при создании сказок.

Нелепо предполагать, что Пушкин, знавший русские сказки не по книжным источникам, а из уст самого народа, любивший их, восторженно отзывавшийся о них, предпочел им неизвестные или слабо известные ему иностранные сборники.

Причина хождения порочного толкования об иностранных источниках сказок заключается в том, что исследование сказок ведется с формалистической платформы. «Изыскания» Азадовского целиком построены на текстологических сопоставлениях сюжетов и мотивов. Так о «Сказке о рыбаке и рыбке» Азадовский пишет: «Среди известных русских сказок нет сказки, вполне соответствующей пушкинскому тексту, ни в одной русской сказке нет упоминаний ни о золотой рыбке, ни о какой либо вообще рыбе».

Исследователей «Сказки о мертвой царевне» Азадовский прямо утверждает, что они «не дали себе труда вчитаться и вдуматься в детали» и не видели, что мотив зависти и мотив рождения дочери, имеющиеся у Пушкина, отсутствуют в русских сказках. А если все эти «детали» и

«мотивы» имеются в сборнике бр. Grimm, то, ясно, Пушкин использовал именно этот сборник!

И. Плотников и А. Желанский с неменьшим усердием занялись скрупулезными текстологическими сопоставлениями и анализами, совершенно забывая об идейном содержании «Сказок» Пушкина и народных сказок. К чему приводит подобное копание в «деталях» и «мотивах»? К тому, что пушкинские «Сказки» по сути ставятся вровень с произведениями официальной, дворянской «народности», лишь стилизованными под фольклор. В самом деле, подобным же образом с успехом можно анализировать и «Сказки» Жуковского и «Песни» Дельвига. В чем же тогда величие и своеобразие «Сказок» А. С. Пушкина?

Совершенно ясно, исследования «Сказок» Пушкина типа работ Азадовского должны быть решительно отвергнуты, как противоречащие марксистскому литературоведению, как формалистические, проникнутые духом низкопоклонства, клеветничества, исключаяющие национально-самобытную основу творчества великого русского поэта и как не имеющие под собой никакой серьезной научной базы.

II

Истинный ключ для правильного понимания фольклорного характера «Сказок» А. С. Пушкина мы найдем в замечательных высказываниях В. Г. Белинского и А. М. Горького.

Правда, в статьях о Пушкине Белинский отрицательно отозвался о его сказках, назвав их «плодом довольно ложного стремления к народности». Но здесь следует иметь в виду, что в это время великий критик-демократ вел борьбу с реакционной официальной «народностью» и псевдонародностью дворянских писателей, готовых в любой момент назвать «народным произведением» всякую пьесу, в которой действуют мужики и бабы, бородатые купцы и мещане или в которой действующие лица пересыпают свой незатейливый разговор русскими пословицами и поговорками...»

Для Белинского подлинная народность заключается «не в описании сарафана, а в самом духе народа». Народность творчества писателя означает прежде всего необходимость «быть верным действительности». Вот почему Белинский сурово и беспощадно разоблачает всякую попытку подменить глубокое изображение российской действительности поверхностным описанием простонародной жизни. В этом отношении он не пощадил и Пушкина, считая, что в сказках великий поэт делает отступление от присущего ему реализма в угоду модной народности.

Однако ясно, Пушкин коренным образом отличался от дворянских стилизаторов под народную поэзию. Разница между ними и Пушкиным была ясна еще их современникам и даже тем, кому пушкинское направление в поэзии было чуждо.

Современник Пушкина Комовский в письме к Н. Языкову писал: «Жуковский, как сказочник, обрился и приделал на новый лад, а Пушкин — в бороде и армяке».

Баратынский критиковал «Сказку о царе Салтане» за то, что «это совершенно русская сказка, и в этом мне кажется, ее недостаток... Как далеко от этого подражания русским песням Дельвига».

Поятна была эта разница и Белинскому. Великий критик при определении народности литературы подчеркивал творческое начало, необходимость для писателя, став «полным властелином» народности, создавать новое «гармоническое» произведение, иначе ему грозит опасность «простонародности», упрощения и вульгаризации. Вот это творческое начало отмечает Белинский и у Пушкина в той же статье, в какой он отрицательно отзывался о сказках. Белинский выделяет «Сказку о

рыбаке и рыбке», в которой «народу принадлежит только ее мысль, но выражение, рассказ, стих, самый колорит — все принадлежит поэту».

На эту черту указывает Белинский и в статье о Кольцове, где уже содержится высокая оценка пушкинских произведений, исполненных в народном стиле: «Русские песни мог создать только русский человек, сын народа... В пьесах Пушкина, содержание которых взято из народной жизни и выражено в народной форме, видна душа глубоко-русская, но, в то же время, видна и та художественная объективность, которая делала для Пушкина возможным быть у себя дома во всех сферах жизни, даже самых противоположных друг другу, и благодаря которой он в «Каменном госте» изобразил природу и нравы Испании с такою же поразительной верностью, как в «Русалке» изобразил природу и нравы Руси времен уделов».

Мысль великого критика о творческом использовании фольклора Пушкиным подтверждает и развивает А. М. Горький. Он писал, что Пушкин «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу. Возьмите сказку «О попе и работнике его Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и т. д. Во всех этих сказках насмешливое отрицательное отношение народа к попам и царям — Пушкин не скрыл, не затушеввал, а напротив, отгенил еще более резко».

В свете этих исключительных по глубине высказываний ясна нелепость сопоставлений сюжетных схем, мотивов и имен при анализе сказок Пушкина. Они не являются только обработкой каких-то определенных сказочных сюжетов, они явились результатом глубокого освоения всего богатства народной поэзии, гениального проникновения в смысл, содержание, дух народного творчества.

Поэтические создания народа были той живительной основой, на которой Пушкин и свершал свои великие преобразования русской литературы и русского литературного языка. Гармонический синтез лучших литературных традиций и сочного, ярко-образного реализма народной поэзии и явили миру новую русскую литературу.

Почти на протяжении всей жизни Пушкин неустанно трудился над овладением фольклором. Уже о первом своем большом произведении — поэме «Руслан и Людмила» — Пушкин мог с полным правом сказать словами своего стихотворного вступления ко второму изданию поэмы: «Там русский дух, там Русью пахнет!»

Некий реакционный критик, скрывшийся под псевдонимом «Житель Бутырской слободы», в «Вестнике Европы» в 1820 г. писал по поводу этой поэмы:

«Извольте же заглянуть в 15 и 16 №№ «Сына отечества». Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей «Людмила и Руслан»... Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения.

Пиит оживляет «мужичка сам ноготь, а борода с локоть», придает ему бесконечные усы, показывает нам ведьму, шапку-невидимку и проч. Но вот всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которой лежит меч-кладенец; голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же слышать от поэтов нынешнего времени.

Для большей точности или, чтобы лучше выразить всю прелесть старинного нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

...Шутите вы со мною,
Всех удавлю вас борокою!

Каково?

Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова!
Далее чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот что говорит рыцарь:

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!

...Извольте спросить: если бы в Московское Благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться!»

Хотя цитата и длинна, и тон ее презрительно-озлобленный, однако «Бутырский критик» против воли своей довольно верно изобразил фольклорный характер поэмы. Действительно, Пушкин этой поэмой «зычным» голосом возвестил о приходе в литературу народа со всем богатством его устного поэтического творчества. Поэма «Руслан и Людмила» была только началом, пробой в длинном и упорном процессе освоения Пушкиным фольклора.

Эта линия развивается им дальше в балладе «Жених», о которой В. Г. Белинский писал, что она и со стороны формы и со стороны содержания насквозь проникнута русским духом, и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать: «Там русский дух, там Русью пахнет».

В «Женихе» Пушкин шире использует фольклорные изобразительные средства: постоянные эпитеты — у тесовых у ворот, гости честные, невеста красная, девица-краса; народные выражения: «век вековать, диву дивоваться», «током слезы точит», образы обрядовой свадебной поэзии.

Вместе с тем, в целом баллада является литературным произведением. Для нее характерны метрическая структура, строфическое построение, правильно чередующаяся перекрестная рифма, задний план сюжета, что не свойственно фольклорным произведениям.

Пробует Пушкин и другой путь. В неоконченной сказке о Медведихе он точно имитирует фольклорный стиль. Литературные приемы здесь совершенно отсутствуют. Язык воспроизводит народную речь — и по лексике и по синтаксису: промеж, обниматися, боротися, отколь, кликать, осержалася, запечалился, ходити, не игрывати, «как весенней теплой порою, из-под утренней белой зорюшки, что из лесу, из лесу из дремучего...» (здесь союз «что» сочинительный).

Употребляется большое число уменьшительных ласкательных слов: зорюшки, детушек, медвежатушек, скоморох-горностаюшка. Эпитеты и сравнения также фольклорного характера: белой зорюшки, сыру землю, «не звоны пошли по городу, пошли вести по всему по лесу». Метрика приближается к былинному стиху, рифма, как и в былинах, встречается лишь случайно, причем характер ее также фольклорный: ассонаты — выдам — выем, закусливые, завистливые.

Однако Пушкин в дальнейшем отказывается от простого подражания фольклорным образцам.

Талантливый патриот-поэт горячо любил свой народ — мудрый, талантливый, свободолюбивый. Эти качества русского народа нашли яркое выражение в устных поэтических созданиях. Пушкин, по праву считавший свой «свободный голос» «эхом русского народа», в сказках стремился прежде всего передать дух, смысл, идейное содержание именно русской народной поэзии, утвердить право выразительных средств фольклора быть литературными, украсить народную поэзию «блеском своего

таланта» и на этой основе создать произведения нового качества, достойные великого народа.

«Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке» по общему своему характеру являются волшебными.

Ведущая тема русских волшебных сказок — борьба добра со злом, справедливости с несправедливостью, света с тьмой. Это составляет основное содержание первых двух сказок.

Злобная и сварливая повариха, ткачиха и сватья баба Бабариха, царица-мачеха и чернавка олицетворяют собой мир зла и несправедливости. Им противостоят отважный и великодушный Гвидон, его мать, царевна-лебедь, воплощение добра, красоты и молодости, добродушные богатыри, кроткий светлый образ царевны и ее преданного жениха королевича Елисея.

А. М. Горький в докладе на 1-м съезде советских писателей говорил, что «фольклору совершенно чужд пессимизм... коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными силами».

В сказках Пушкина мужественная борьба положительных героев со злом и несправедливостью венчается успехом, победой, а ткачиха, повариха, сватья баба Бабариха и злая царица, пытавшаяся погубить свою падчерицу, несут суровую и заслуженную кару. Сказки Пушкина нередко праздничны, солнечны, исполнены глубочайшего оптимизма, веры в народ, его силу и разум. В эпоху мрачной николаевской реакции они поднимали дух, пробуждали веру в лучшее будущее. В наше время сказки помогают воспитывать в детях лучшие человеческие качества.

Для русских народных сказок характерно или ироническое или отрицательное изображение царей. Так, в сказке «Вещий сон» (Афанасьев, № 240) Иван-царевич изображен беспомощным, бессильным разрешить загадки Елены прекрасной. Это за него делает Иван — купеческий сын. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» с тонкой насмешкой говорится о том, как царь из-за глупого любопытства едва не лишился содержимого чудесного сундука, а из-за слишком высокого самомнения лишился сына.

Пушкин эту отрицательную характеристику царствующих особ «отенил еще более резко», что выражало и собственный взгляд поэта на самодержавие. Царь Салтан, внешне добродушный, на самом деле бессильный, безвольный, глупый. Он легко позволяет водить себя за нос завистливым сестрам ткачихе, поварихе и злобной бабе Бабарихе. Какой тонкой и в то же время острой иронией звучат хотя бы такие строки:

А ткачиха с поварихой,	И как раз их унижает:
С сватьей бабой Бабарихой,	«Что я? царь или дитя? —
Не хотят царя пустить	Говорит он не шутя: —
Чудный остров навестить.	Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Но Салтан им не внимает	Вышел вон и дверью хлопнул.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» социальная заостренность выступает сильнее и явственнее. Здесь обличается не только жадность как нравственный порок, но раскрывается и социальное зло.

Ю. М. Соколов пишет о народных сказках, изображающих отношение мужика к барину:

«Вековая крепостная зависимость мужика от барина выработала в крестьянстве резкое чувство классовой вражды: каждая сказка на эту тему является выражением протеста против бар, ненависти и презрения к ним».

Следующие строки из пушкинской сказки могут служить прекрасной иллюстрацией к этой характеристике русских народных сказок о мужике и барине:

Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Осердилася пуще старуха.
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?»

Здесь зафиксирована русская душа крестьянина, его глубокая ненависть к несправедливости и угнетению, здесь Пушкин, как и в ряде других своих произведений обличает «барство дикое, без чувства, без закона».

В. Г. Белинский в знаменитом письме к Гоголю указывал на исключительно отрицательное отношение народа к духовенству: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»

Русские сказки обличают в духовенстве сластолюбие, завистливость, мелкое недоброжелательство, пьянство, хвастовство и особенно жадность, скупость, требование «приношений», стремление максимально эксплуатировать батрака-работника и как можно меньше оплачивать его труд. Сказочные сюжеты с такими названиями, как «Жадный поп», «Как поп работника морил», «Девушка попа пристыдила», «Завистливый поп и Николай Чудотворец» и другие, особенно популярны в народе.

Пушкин не только удивительно точно передал в своей «Сказке о попе и работнике его Балде» эту ненависть народа к духовенству, но и настолько резко усилил социальную направленность, что сказку в дореволюционной России не было возможности напечатать в полном ее виде. Долгие годы она ходила как «Сказка о купце Остолопе и его работнике Балде».

Делегатка VIII Чрезвычайного съезда Советов, доярка колхоза «Октябрьская революция» Донецкой области Пелагея Зинченко в своем отзыве прекрасно раскрыла социальный смысл сказки.

«Есть у Пушкина сказка «О попе и о работнике его Балде». В ней рассказывается, как поп искал себе работника подешевле и как головой заплатил за свою жадность.

Я думаю, что в этой сказке Пушкин хотел не только посмеяться над скарденностью попов, но и показать, что богатым придется расплачиваться за свое дармоедство».

К этому высказыванию трудно что-либо прибавить: так верно, так глубоко здесь вскрыто идейное содержание сказки. И разве не ясна связь этой сказки с эпиграммой на Фотия, с «Гаврилиадой» и другими Пушкинскими произведениями, направленными против духовенства и церкви?

Народ создал в своих сказках героя-победителя. Это главным образом мужик, большей частью бедняк, работник, солдат, бурлак, горшечник, пастух, простая деревенская женщина или девушка.

В их характерах отразилось чувство собственного достоинства, сознание народом своего превосходства над правящими классами.

Герои всегда оказываются хитрее, умнее, сильнее барина, генерала, попа, купца, царя. Одна из этих сказок, например, так и называется: «Как мужик господ в дураках оставил».

Пушкин подчеркнул и эту черту русских народных сказок. Его Балда обнаруживает исключительную сообразительность, ловкость, способность и любовь к труду. В его умелых руках все играет:

Ест за четверых.

Работает за семерых;

До светла все у него пляшет,

Лошадь запряжет, полосу вспашет,
 Печь затопит, все заготовит, закупит,
 Яичко испечет да сам и облупит.

Анализ идейного содержания «Сказок» убеждает нас в том, что эти произведения Пушкиным созданы не для того, чтобы щегольнуть «народностью». Было бы серьезной ошибкой рассматривать «Сказки» только как произведения, исполненные в фольклорном стиле. Они правдиво отражают сознание, образ мыслей народа, его отношение к общественному устройству и своему социальному положению, продолжают линию обличения поэтом общественного зла и пороков, выражают неугасимую веру поэта в народ и, следовательно, раскрывают истоки оптимизма поэзии Пушкина. «Сказки» являются важным звеном в общем реалистическом направлении пушкинского творчества. Сила реализма обуславливается глубоким проникновением в существо народного творчества, народного характера и народных интересов.

Все это определило художественные особенности «Сказок», которые так же очень далеки от стилизации под фольклор, как и их содержание. Народность содержания раскрывается творчески использованными народными художественными изобразительными средствами.

Прав С. Маршак, когда говорит, что в «Сказках» художественные средства, которыми пользуется поэт, еще лаконичнее и строже, чем в «Онегине», «Полтаве» и в лирических стихах. Такого поэтического совершенства Пушкин достигает очень тонким, взвешиваемым использованием точного, выразительного, меткого языка, лаконичных и строгих, но вместе с тем ярких и красочных изобразительных средств народной поэзии, умелым сочетанием с мастерскими литературными приемами.

Сказки были школой овладения Пушкиным народным языком, так как «Языку нашему нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке».

Пушкин не засоряет «Сказки» просторечиями. Основной массив «Сказок» состоит из выражений и слов общих, как для народной, так и литературной речи. Есть в «Сказках» и специфически народные слова, обороты и выражения, причем опять-таки не диалектизмы, а общерусские.

В «Сказке о царе Салтане»: позадь забора; во все время разговора; пир честной; с той же ночи понесла; в те поры война была; неведому зверушку; окиян; гульлива; это горе — все не горе; лебедь-птица; на знакомом острову; опечалился чему?; комаром оборотился; чудо-чудное; грусть-тоска; свет о белке правду бает; при честном при всем народе; строгий счет орехам весть; изоб нет — везде палаты; усмехнувшись исподтиха; и наказом наказала; вот уж! Пожди немножко, отсель; до селе не собрался; жонка; громогласно, возопил; крылами.

В сказке «О мертвой царевне»: В путь-дорогу снарядился; инда очи; гляючи; белешенька; издалеча; молвить; уж и впрямь; ломлива; тужит; мне ровной нет; спознали; не прекословит; не перечат; всем вопрос его мудрен; насторож; ветер дале побежал.

Употребление ласкательных уменьшительных суффиксов: тяжелешенько, зеркалаще, ручек, каблучком, старушонка.

«Сказка о рыбаке и рыбке»: молвит, забранила, дурачина ты, простофиля; кликать; с дубовыми, тесовыми вороты; сдурилась; чай, теперь твоя душенька довольна; что ты, баба, белены объелась; пряником печатным, взамен, перечить.

В «Сказке о попе и работнике его Балде» просторечий несколько больше.

Эти особенности народной речи помогли поэту наиболее точно и вместе с тем ярко выразить мысли, настроения или черты характера. Так, уменьшительный суффикс, очень характерный для народной поэзии, в выражении «Тяжелешенько вздохнула» особенно рельефно передает душевное состояние героини.

В рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке» сначала было записано: «Глупый ты, старик, неразумный». Однако эта фраза явно смягчала сварливый характер старухи и Пушкин заменяет ее другой фразой: «Дурачина ты, простофиля».

В рукописи «Сказки о мертвой царевне» было написано: «Спорить что ли с бабой гневной». Пушкин усиливает эту фразу народными словами: «Чорт ли сладит с бабой гневной», но там, где в этом необходимости не было, Пушкин употреблял обычные литературные выражения. Так, в рукописи «Сказки о мертвой царевне» фраза «Белы руки опустились, скоры ноги подкосились» в окончательной редакции была заменена более литературной: «Белы руки опустились, плод румяный уронила».

Фраза пушкинских сказок всегда простая, ясная, без всяких лишних украшений. Эпитеты в большинстве случаев фольклорные, отличающиеся удивительной сочностью, точностью и простотой: красная девица; честные гости; горькая вдовица; сладки речи; белы груди; месяц ясный; ветер буйный и т. д. Одним и тем же постоянным эпитетом Пушкин умеет создать замечательно образную картину.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут.

Всего две строчки, один эпитет, дважды повторенный, но сразу воображению рисуется огромное синее, синее бездонное небо и такое же синее, синее безбрежное море.

Однако Пушкин не довольствуется использованием фольклорных изобразительных средств. Он усиливает их выразительность литературными эпитетами и метафорами: во мгле печальной; в безмолвии чудесном; в лазоревой дали; сердитые волны; в шумном беге; лишь едва, едва трепещет и т. д. В фольклоре речка обычно быстрая, а Пушкин пишет: «Там за речкой тихоструйной». Литературный эпитет здесь более уместен, ибо он создает в этой строке тон печали и грусти.

В произведениях народной поэзии образы героев рисуются не пространством описанием их внешнего облика, а самим действием, раскрывающим внутренний мир персонажа.

Лишь иногда употребляется портретная характеристика. Она всегда немногословна, скупа, две-три фразы, но такие меткие, выпуклые, что сразу создают представление о герое. Пушкин доводит эту художественную особенность фольклора до гениального совершенства. В этом отношении нельзя признать правильным точку зрения М. А. Шнейерсон, что Пушкин в «Сказках», в отличие от народных сказок, применяет литературный прием автохарактеристики и создает портреты героев.

Пушкин рисует живой, зримый образ персонажа, почти не прибегая к специальным портретным приемам изображения. Вот как, например, Пушкин создает образ ткачихи, поварихи, сватьи бабы Бабарихи. Уже строки

В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.

вызывают в воображении представление сухих, черствых черт героинь. Это усиливается и развивается следующими стихами:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обратить его велят.

Сначала ткачиха, повариха и Бабариха сидят около царя «и в глаза ему глядят», а во второе посещение Гвидона они.

Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.

Окривели повариха и ткачиха и вот они

Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.

Если добавить ко всему этому волдырь, вскочивший после укуса царевича на носу Бабарихи, то портрет запечных, отвратительных существ, воплощающих мир тьмы и зла, готов. Нетрудно заметить, что он создается одними глаголами: злится, завидуют, извести, обобрать, глядят, окривела, вскочил волдырь. Глаголами же рисует Пушкин образ царевны-лебеди:

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит...

Однако глаголы здесь уже иные: блестит, горит, журчит, — вызывают представление светлого, яркого, нежного.

Чисто портретная характеристика применяется Пушкиным только в «Сказке о мертвой царевне». Но и здесь он не выходит за рамки фольклора: так же просто и строго описывается царица-мачеха

Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела...

Но царевна молодая
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.

Большую роль в характеристике действующих лиц в сказках Пушкина играет ритм.

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркалаще глядясь.

Ритм этих стихов как нельзя лучше раскрывает самовлюбленный характер царицы-мачехи.

Сказки «О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке» написаны четырехстопным хореем. Этот размер в основном народен; вот почему ритмика сказок близка к песенной ритмике.

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натощак.

(Сказка о царе Салтане)

Отлетела лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая,
Что ко стаду гусей серых.

(Народная песня)

Ты, царевич, мой спаситель.
Мой могучий избавитель.

(Сказка о царе Салтане)

Ты садись ко, добрый молодец,
Поплотнее со мной рядышком.

(Народная песня)

Сильно напоминают песенные мотивы и такие строки из «Мертвой царевны»:

Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченый рожок!

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Народный размер усложняется правильно чередующимися мужскими и женскими окончаниями и парной рифмовкой. Однако характер рифм в основном фольклорен. Пушкин употребляет большое число глагольных рифм, которые придают стиху действенность, стремительность, бодрость: гуляет — подгоняет, дивятся — толпятся, палаят — велят и т. д.

Сказки «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде» написаны белым стихом.

В народных сказках композиция обычно усложняется добавочными эпизодами. Они имеются и в записях сказок, сделанных Пушкиным. Композиция же сказок Пушкина необычайно проста, в них действие развертывается только вокруг одного конфликта. Это придает сказкам большую целеустремленность, заключенная в них мораль и социальная идея раскрываются полнее и глубже. Композиция «Сказки о попе и работнике его Балде» строится на диалоге, что очень характерно для народных сатирико-новеллистических сказок.

Выше уже говорилось об использовании Пушкиным в «Сказках» песенной ритмики, песенных мотивов и других стилизованных приемов, которые имеют общее применение в разнообразных фольклорных жанрах. Можно еще привести примеры того, что Пушкин при создании сказок использовал материал различных жанров фольклора, а не только специфически сказочный. Так, в сказках встречаются пословицы: «Жена не рукавица: с белой ручки не стряхнешь, да за пояс не заткнешь»; «Спрос не грех», «Чорт ли сладит с бабой гневной», «Ум у бабы догадлив, на всякие хитрости повадлив». В «Сказке о мертвой царевне» есть черты свадебной поэзии и обряда.

Сказывается в этих пушкинских произведениях и влияние былин, особенно в «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о мертвой царевне». Таков, например, былинный прием троичности, создающий замедленность действия, плавную эпичность повествования.

Таким образом, Пушкин широко использует стиль русской народной поэзии, обогащает его литературными приемами, но такими, которые по природе своей не чужды народному творчеству.

Синтез фольклорного и литературного стиля дает новые качества, обогащает литературу. «Сказка о золотом петушке» не имеет сюжетного соответствия в русских народных сказках. Это в сущности яркая социальная сатира на самодержавие в форме сказки. И вместе с тем она вся дышет тем же русским духом и очарованием народной поэзии. Чтобы лучше раскрыть орлиную широту натуры Пугачева, считающего, что миг вольной и яркой жизни лучше многих лет прозябания, Пушкин вкладывает в его уста народную сказку «Об орле и вороне». И таких примеров из пушкинских произведений можно привести немало.

Совершенно ясно, что «Сказки» А. С. Пушкина и с точки зрения действительного содержания, и с точки зрения художественной формы являются результатом творческого освоения великим русским поэтом устного поэтического наследия своего народа, что явилось и одной из основ народности всего творчества Пушкина.